

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Воздух Парижа был прозрачным, благоуханным и тек над головой, словно огромная река. Время от времени он сгущался до ангельской плотности и норовил поднять заблудшего грешника на белоснежных своих крыльях к сияющим синим небесам. Грешник, разумеется, сопротивлялся, но все-таки потихоньку воспарял духом и спустя какое-то время обнаруживал, что не идет уже, а почти летит над землей.

Примерно так же летел сейчас, а точнее, легкой, почти невесомой стопой шел старший следователь СК Орест Витальевич Волин. По улице Удон спускался он от базилики Сакре-Кёр напрямиком к Пляс Пигаль¹. Моралисты и скептики разглядели бы в этом маршруте что-то возмутительное, греховное, намекающее на падение и разврат, но ничего такого не имел в виду Орест Волин. Путь его был прямым, исполненным благих намерений, а спускался он просто потому, что улица вела под уклон,

¹ Пляс Пигаль — площадь Пигаль, знаменитый район «красных фонарей» в Париже.

а не потому, что желал немедленно и бесповоротно пасть, как то проделали до него многие, ошибочно считавшиеся ангелами, а ныне раскрывшие перед лицом богомольной общественности всю свою мерзостную суть.

Отчего Волин спускался именно от Сакре-Кёр, спросите вы? Ответ прост: оттого, что очень любил Монмартрский холм и собор Святого Сердца. Художники, мимы и музыканты, облюбовавшие окрестности собора, ясно свидетельствовали о том, что они — возлюбленные дети Божьи и простит-ся им гораздо больше, чем всем другим, а может быть, и больше, чем они сами бы того хотели.

Единственным местом в Париже, которое нравилось Волину больше Монмартра и Сакре-Кёр, был собор Парижской Богоматери, знаменитый Нотр-Дам-де-Пари. Орест Витальевич был совершенно убежден, что те, кто побывал внутри собора Парижской Богоматери, побывали в четвертом измерении.

Волин хорошо помнил тот первый раз, когда оказался он в невыразимой таинственной полутьме собора, где растворялись предметы и люди, и как среди высоких и темных стен явственно ощутил холодное зияние — воронку между мирами. Тогда он всей кожей почувствовал, что здесь стерта грань между небесами и преисподней, здесь они соприкасаются и грозные, сияющие неземным светом ангелы созерцают печальных насельников адских сфер. Тогда он ясно услышал и трепет ангельских крыльев, и скрежет дьявольских когтей.

Но все это кончилось, пресеклось в один миг от преступной глупости мигранта-строителя, бро-

сившего сигарету там, где и курить-то нельзя. В короткое время Нотр-Дам-де-Пари был охвачен смертельным пламенем и вскоре прекратил свое существование. Нет, конечно, его отстроят заново, его восстановят, но уже никогда, никогда не ощутить в нем легкого дыхания ангелов и не услышать дальнего воя темных духов. Граница между мирами закрылась здесь и никогда больше не откроется. Но прежде, чем закрыться навсегда, воронка эта, словно из мести, выпустила на волю страшный шипастый шар коронавируса, и люди облачились в броню из медицинских масок и одноразовых перчаток.

Впрочем, как сказано в Библии, дневи довлеет злоба его, то есть всякому дню достаточно текущих забот. И природные парижане, как и десять лет назад, спешили по улицам, сидели на открывшихся уже верандах, ехали на машинах и мотоциклах. Хотя нет — на машинах и мотоциклах ездили теперь гораздо меньше, зато на улицах во множестве появились самокаты. По полупустым проспектам семьями и целыми отрядами проезжали велосипедисты. Исчезли куда-то автомобильные пробки и угарный газ, в атмосфере царило благообразие воздушных потоков.

— Вот что ковид животворящий делает, — говорил Орест Витальевич своей парижской подруге Ирэн, которую на русский лад звал он просто Иришкой.

— Не ковид никакой, а наша мэ́р Идальго́, — отвечала Иришка с очаровательным французским акцентом. — Она не любит автомобили и не любит, как это по-русски... вонизм?

Волин согласился, что вонизм — это очень по-русски. Хотя, как ни странно, в России его тоже не любят.

— Вы, русские, вообще ничего не любите, — говорила Иришка, укладывая волосы феном, в то время как он ходил вокруг нее, как кот вокруг сметаны.

— Ну, почему же ничего, — возражал он, — вот, например, мы очень любим тебя.

И старший следователь хватывал ее за талию и волок в постель, хотя она отбивалась и кричала, что ей на работу, и что русские — не только варвары, но и маньяки, и чтобы она еще раз подпустила к себе хоть одного русского...

— Да ты сама русская, — говорил он, хохоча и перехватывая ее кулачки, которыми она размахивала у него перед носом. — Ты сама русская на сто процентов.

И это было правдой. Ирэн Белью, она же Ирина Белова, только жила в Париже, родителей же имела вполне русских. В начале лихих девяностых они покинули богоспасаемое отечество наше ради прекрасной Франции и ни разу, кажется, об этом не пожалели. И уж подавно не жалела об этом Ирэн — для старшего следователя просто Иришка.

— Почему я должна скучать по стране, которую даже не видела никогда? — удивлялась она. — Что такое эта ваша ностальжи? Ностальжи придумали русские, чтобы оправдать хандру и дурной характер.

И тут Ирэн начинала говорить противным голосом, передразнивая воображаемых русских.

— Ты почему такой хмурый? У меня ностальжи. А почему не работаешь? У меня ностальжи. Почему ты украл чужой бумажник? Потому что у меня загадочный русский характер и меня замучила ностальжи!

Волин, смеясь, отвечал, что она язва и что она неправа. Что вот он, например, русский, но на ностальгию не жалуется, бумажников ни у кого не ворует и вообще к криминалу не склонен. Больше того, он следователь и даже сам ищет бандитов.

— Ну и что, — говорила Иришка, — и я следователь и тоже ищу бандитов.

И это также было правдой. А теперь сами посудите, стоило ли старшему следователю ехать во Францию, чтобы найти там девушку, во-первых, русскую, во-вторых, тоже служащую в местной полиции? Но так уж оно вышло, и с этим, хочешь не хочешь, приходилось мириться.

— Не могу же я тебя бросить только потому, что ты ажан¹, — объяснял ей Волин.

— Неизвестно еще, кто кого бросит, — сердилась Иришка. — Я могу тебя вообще арестовать. Как ты оказался во Франции в разгар коронавируса? Между нашими странами сообщение закрыто.

Сообщение, действительно, было закрыто, поэтому лететь пришлось через Афины. Но, что бы там ни было, он сейчас находился во Франции, в Париже, а она и вовсе тут жила, так что ничего более естественного, чем их союз, и представить было нельзя. Впрочем, из союза этого вышла и не-

¹ Agent (*фр.*) — агент, полицейский.

ожиданная польза. Во всяком случае, для мадемуазель Белью.

Как-то вечером она явилась домой хмурая и даже говорить с Волиным не желала. Ему, однако, все-таки удалось ее расшевелить. Ирэн сердито посмотрела на него и топнула ножкой.

— Ненавижу этих русских! — закричала она. — Все как один — преступники и мафиози!

— Ты папе с мамой об этом говорила? — осведомился Орест. — Они, между прочим, тоже русские.

— Я серьезно, — отвечала Иришка, вытаскивая из микроволновки лазанью и раскладывая ее по тарелкам.

После недолгих расспросов выяснилась причина ее плохого настроения. За несколько дней до того был убит немолодой коллекционер русского происхождения — некий Арсений Завадский. Дом его ограбили, однако что именно вынесли, установить не удалось. Скорее всего, пропали вещи из коллекции Завадского. Следов на месте преступления никаких не осталось, видеокамеры в доме не работали. Не совсем ясно было, с какого именно боку братья за это дело.

В двух словах пересказав всю историю Волину, Иришка, даже не поужинав, начала переодеваться. На этот раз ее боевым облачением стало маленькое черное платье и серьги от Валентино.

— Ты куда? — с подозрением спросил старший следователь.

— В бордель, — сухо отвечала мадемуазель Белью.

Он несколько опешил.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Убили русского, значит, придется идти к русским бандитам, запугивать их и пытаться что-то выяснить, — мрачно проговорила Иришка.

Волин изумился: у нее что, есть знакомые русские бандиты? Конечно есть, подозрительные русские у полиции все наперечет. А почему именно она? Потому что она знает язык.

Так, наконец, прояснилось дурное настроение Иришки: грядущий разговор с бандитами был ей неприятен.

— Они грязные скоты, чувствуют себя во Франции как дома, хамят и ничего не боятся, — объяснила она Волину. — Придется их запугивать.

— У тебя есть еще одно маленькое черное платье? — спросил Орест, немного подумав.

Ирэн удивилась: зачем ему? Затем, что он тоже пойдет запугивать бандитов — вместе с ней. Ей не до шуток, черт побери! А он и не шутит. Или мадемуазель ажан думает, что он ее отпустит одну к бандитам, да еще в таком виде?

— Пожалуй, — сказала она, немного поразмыслив. — Моральная поддержка не повредит...

Искомый русский бордель находился в получасе езды от Иришкиного дома. Это оказался весьма презентабельный ресторан, полный чинных обывателей, мирно вкушающих традиционную русскую кухню по немыслимым даже для Франции ценам. Атмосфера в ресторане была спокойная и располагающая, почти домашняя.

— А где же падшие женщины? — осведомился Волин, с любопытством оглядывая зал.

— А тебе зачем? Ты сюда работать пришел, — хмуро отвечала мадемуазель Белью.

— У меня чисто научный интерес...

— Я тебе покажу интерес, — пообещала Ирэн и впилась ему в руку ногтями. — Как это у вас говорят: всю жизнь на лекарства будешь работать!

Волин поморщился от боли и почел за лучшее больше не шутить. К ним подошел метрдотель, отдаленно похожий на пингвина: черный фрак, белая сорочка, тугие щеки и маленькие печальные глазки.

— Мадемуазель Белью, — сказал пингвин, кланяясь.

— И мой спутник, — добавила она.

Метрдотель посмотрел на Волина как на пустое место и снова обратился к Ирине:

— У вас заказано?

— Я хочу встретиться с Николаем.

Пингвин заколебался: Николай Николаевич, кажется, занят, и он не уполномочен...

— Пойди и доложи, — прервала его Ирэн. — И чтоб без этих ваших русских завтра и потом. Скажи: встретиться со мной прямо сейчас — в его интересах.

Метрдотель поклонился и исчез. Волин продолжал с любопытством озирать зал, освещенный интимным красноватым светом.

— Может, пока то да се, выпьем шампанского? — спросил он у Ирэн.

Та лишь насмешливо ухмыльнулась: здешнее шампанское выйдет ему в целую зарплату. А он думал, что ее тут угощают бесплатно. Если бы ее тут угощали бесплатно, у нее уже давно был бы до-

мик на Лазурном берегу, а сама она сидела в самой крепкой французской тюрьме. Нет, ее знакомства с русскими бандитами так далеко не заходят. Она сама по себе, а шампанское можно и в супермаркете купить.

— Понимаю, честь ажана, — хмыкнув, сказал Волин.

Как из-под земли снова выскочил метрдотель. Казалось, держался он теперь в два раза предупредительнее, чем раньше. С легкими, исполненными достоинства поклонами он повел Волина и его барышню на второй этаж.

— Ты хорошо стреляешь? — спросила она его шепотом.

— Да, но только при наличии пистолета, — отвечал он так же тихо.

Кажется, провожатый все-таки услышал их, потому что чуть заметно улыбнулся.

Ирэн и Волина ввели в зал еще более просторный и освещенный еще меньше, чем нижний, так что углы его терялись в загадочной полутьме и в них при желании вполне могла спрятаться парочка-другая домовых. Однако Ирэн, обладавшая кошачьим зрением, сразу разглядела, что кто-то сидит в дальнем конце зала на огромном кожаном диване. И немедленно двинулась туда, опередив метрдотеля.

Тот печально посмотрел на Ореста и горестно развел руками, как бы говоря: вот такой нынче пошел клиент, лишает профессионалов работы. Если так дальше пойдет, посетители скоро сами себе начнут бифштексы жарить. Волин в ответ возвел очи к потолку, как бы желая сказать: очень

вас понимаю и совершенно с вами согласен. После чего тоже направился к дальнему дивану.

Диван был круглый и как бы обтекал собой небольшой обеденный стол. Сидя на таком диване, можно было отлично видеть собеседников перед собой и даже по бокам. Единственное, чего нельзя было видеть, так это кто встал за твоей спиной и хочет без лишних экивоков тебя прикончить. Это слегка нервировало Волина, поэтому он сел несколько боком — так, чтобы видеть, что происходит за спиной у Иришки, а она чтобы контролировала его тыл. Конечно, толку от этого было мало, да и не ждал он, что их начнут расстреливать прямо во время разговора — но все же, все же.

Николай Николаевич Серегин оказался импозантным мужчиной лет пятидесяти, одетым в настолько дорогой серый костюм, что тот казался уже почти дешевым. Внимательные серые, в цвет пиджака, глаза, крупный рот, жесткие складки на лице, выдающие бывшего единоборца, — все это показывало, что человек перед ними очень серьезный.

Серегин кивнул Волину и попытался поцеловать руку Иришке, но не на таковскую напал. Та выдернула руку и заявила, что уже сто раз говорила: она не терпит домогательств.

— Это не домогательства, а обычная старомодная учтивость, — укоризненно сказал Николай Николаевич.

— Знаю я вашу учтивость — до первой кровати, — отвечала мадемуазель Белью.

Серегин поднял руки, как бы говоря: сдаюсь, и поглядел на Волина.

— Интересное имя — Орест, — заметил он. — Вы ведь, кажется, тоже полицейский, только из России?

Волин удивился: это что, так заметно?

— Мне заметно, — отвечал Николай Николаевич, улыбаясь. — Много я вашего брата мента перевидал когда-то. Но, впрочем, мы отвлеклись. Итак, какое у нас дело?

Ирэн в двух словах пересказала ему историю коллекционера Завадского.

— И ты думаешь, что это я его убил? — удивился Серегин.

— А кто еще? У вас, русских, такая же этническая преступность, как у итальянцев и китайцев. Как это у вас там говорится: своих не бросаем, чужих не убиваем?

Николай Николаевич только головой покачал на это. Странно, что мадемуазель до сих пор не уволила из полиции — за расизм и отсутствие толерантности.

— Поверь, милая, — сказал он задушевно, — русские — такие же люди, как и все остальные. И если какой-то русский погиб, это вовсе не значит, что убил его тоже русский. И тем более это не значит, что убил его я. Мне приятно, что ты так высоко меня ценишь, но я не Господь Бог и не могу убивать всех налево и направо.

Иришка с ним не согласилась: это не аргумент.

— Хорошо, — кивнул Серегин. — На сколько там обворовали этого вашего покойника?

Иришка заколебалась. Точно сказать трудно. Может, миллион, может, больше.